

Глава 70. Бред (9)

Я не стал садиться в карету.

Просто хотелось пройтись.

Ноги несли меня в сторону общежития, но в голове было пусто.

Не возникало даже мыслей о том, куда идти, что делать.

Шум оживлённой улицы затихал за спиной.

Смех людей, стук колёс карет, крики торговцев доносились приглушённо.

Словно я слышал звуки под водой.

На потемневшей улице один за другим зажглись фонари.

Тусклый оранжевый свет отбрасывал длинные тени.

Тупо бредя, я вдруг оказался перед своей комнатой.

Я не помнил, как сюда дошёл.

Дверь открылась, и меня встретил знакомый воздух комнаты.

Чисто прибранная комната.

Но мне не нравилось.

Это не по-настоящему.

Это лишь видимость, созданная насильно, и сколько ни убирай, каждый день, всё равно в итоге всё вернётся к первоначальному хаосу.

Руки очень мелко дрожали.

Я дрожащими руками достал из-за пазухи трубку.

Набил её табачными листьями и посыпал порошком.

Крошки табака и порошок посыпались с кончиков пальцев.

Я попытался чиркнуть спичкой, но руки так дрожали, что я несколько раз промахнулся.

Спички ломались, я чиркал не той стороной.

Наконец, мне удалось зажечь спичку.

В тот момент, когда вспыхнуло оранжевое пламя, по телу прошло смутное ощущение горения.

Запах горящей плоти, мои крики, и люди, которые просто смотрели.

Я поджёг табак и поспешно затянулся.

Но дым не пошёл по дыхательным путям в лёгкие, а покружился во рту и рассеялся.

Вспомнилось, как в день, когда я горел заживо, я, затянувшись, не умер, а лишь издавал хриплые звуки.

Дрожь не прекращалась.

Казалось, она только усиливалась.

Я положил всё ещё дымящуюся трубку на стол.

А потом схватил попавшуюся под руку пепельницу.

Долго держал тяжёлую стеклянную пепельницу, а потом швырнул её в стену.

Дзынь!

Звук разбитого стекла ударил по ушам.

Острые осколки разлетелись во все стороны.

Стакан с небольшим количеством воды.

Пейзаж, висевший на стене, подаренный Серафиной.

Бутылки с алкоголем, стоявшие в углу.

Я хватал всё, что попадалось под руку, и швырял, ломал.

Звуки бьющегося стекла, трескающегося дерева, льющейся жидкости наполнили комнату.

Вскоре послышался стук в дверь.

Тук, тук-тук.

Бам! Бам!

Стук стал грубее.

Я, задыхаясь, подошёл к двери.

И рывком распахнул её.

На пороге стояла студентка из соседней комнаты, которая раньше смотрела на меня с презрением.

Не то чтобы кто-то когда-то смотрел иначе, но сегодня её взгляд был особенно уставшим.

— Вы не могли бы ночью потише...

В этот момент лицо студентки наложилось на образ Линетты.

Испуганные, не узнающие меня зрачки.

Прежде чем она успела договорить, я схватил её за грудки.

— Почему ты меня не узнаёшь?!

Я не хотел рождаться таким идиотом!

Просто, просто, блять, я не хотел жить в таком грёбаном месте!

Почему только я! Почему только я живу так в таком месте?!!

Дыхание перехватило.

Голос надломился.

Её лицо, словно расплавленный воск, потекло и превратилось в лицо Левины.

Мне не нравилось в нём всё — ни её характерный взгляд, ни её манера спокойно говорить после того, как она натворила дел.

— Если бы я родился не таким идиотом, а тем блистательным простолюдином, я бы так не жил.

Я бы мог всё, буквально всё!

На самом деле, если бы не ты, я был бы счастлив!!

Так почему, блять, я должен так жить?!

От головокружения я опустил взгляд и увидел на полу месиво из разбитого стекла, пролитого алкоголя и разорванного холста.

А когда снова поднял голову, я увидел Серафину.

Плачущее, не понимающее меня лицо.

— Это ведь из-за тебя! Тебе ведь нужно было просто мне поверить! Ты ведь должна была мне верить!

Я знал, что это галлюцинация, знал, что если буду и дальше так себя вести, то всё испорчу, но не мог остановиться.

Я кое-как оттолкнул студентку, которая смотрела на меня со страхом, как на сумасшедшего.

Я, пошатнувшись, ударился о стену коридора.

А потом снова закрыл дверь и вернулся в комнату.

Бам!

Нахлынуло чувство самоуничижения.

Я тупо смотрел на разгромленную комнату.

С силой надавил на глаза.

Слёз не было.

Лишь веки слегка зачесались.

Я сел на диван.

В этот момент я почувствовал острую боль в ягодице.

Встав, я увидел, что в меня воткнулся маленький осколок стекла.

Кое-как вытащив осколок, я небрежно отбросил его за спину.

На пол упала капля крови.

Я снова сел на диван.

Взял трубку, лежавшую на столе.

Она ещё была немного тёплой.

Я взял коробку с порошком, который дала мне Левина, и кое-как высыпал его на трубку.

Густой и липкий порошок горой лёг на табачные листья.

Чиркнул спичкой и поджёг.

Порошок начал тлеть, и пошёл едкий запах.

Я, не обращая внимания, глубоко, очень глубоко затянулся.

Я примерно догадывался, что это.

Но без этого я, кажется, не смогу делать на людях вид, что я в порядке.

Я продолжал вдыхать и выдыхать дым.

Белёсая пелена застилала взор, наполняла комнату, и мысли, всплывавшие в голове, одна за другой, любезно стирались.

Все лица исчезли в дыму.

Напряжение в теле спало.

Пульсирующая головная боль исчезла.

Дрожь в руках тоже прекратилась.

Мне не хватает смелости.

Так было всегда.

Поэтому я решил приготовить зелье смелости.

Взяв одну из уцелевших бутылок, валявшихся в углу, я открыл её, кое-как насыпал туда порошок, который дала мне Левина, заткнул горлышко пальцем и хорошенько встряхнул.

Жидкость и порошок смешались, став мутными.

И когда я выпил это из горла, я почувствовал, как во мне растёт уверенность.

Кажется, сейчас я могу всё.

Я бросил пустую бутылку на пол.

И встал.

Я не знаю, почему мне вдруг захотелось жить в этой маленькой церкви.

Но, может быть, Бог, который всегда только отнимал, решил мне что-то дать.

С первой встречи у меня было чувство, будто я нашёл потерянную семью, или встретил любимого человека после очень долгой разлуки, и одновременно было очень грустно.

Правда, словно меня околдовали.

И, как и говорил Лавин, будь то колдовство еретиков или искушение дьявола, мне было всё равно.

Мой разум, кажется, не собирался отпускать Лавина, занявшего пустое место в моём сердце.

Сидеть в церкви, где нет ни развлечений, ни людей, всегда скучно.

Но если это время ожидания Лавина, который иногда приходит, то это не так уж и плохо.

Ожидание, может быть, даже слаще встречи.

Я стояла перед алтарём и жонглировала тремя яблоками.

Красные яблоки описывали в воздухе круги.

В этот момент послышался звук открывающейся двери церкви.

Скри-и-ип.

И вошёл Лавин.

Он был не таким, как обычно, какой-то странный.

Глаза Лавина были слегка расфокусированы, а щёки — слегка покрасневшими.

Но губы и кончики пальцев были на удивление синими.

Лицо было бледным, и всё тело было в поту.

Походка Лавина была неровной.

Носки туфель постоянно цеплялись за пол, а ноги часто заплетались.

Лицо было слишком бледным, и пот стекал по вискам.

Он хотел что-то сказать, но слова, сорвавшись с губ, потеряли форму.

Лавин, видимо, и сам понимал, что не может говорить, и, пошатываясь, подошёл ко мне.

И так и обнял меня.

Надолго.

Я чувствовала, как его сердце быстро бьётся о мою грудь.

Он обнимал меня, а потом, взяв моё лицо в руки, поцеловал.

Я думала, он просто прикоснётся губами.

Но когда Лавин проник языком, я на мгновение округлила глаза.

Было и стыдно, и очень удивительно, но я не оттолкнула его.

Я не могла оттолкнуть.

В тот момент, когда наши языки слегка соприкоснулись, я почувствовала характерный винный аромат и какой-то странный, терпкий, землистый, горький вкус.

Я никогда не думала, что от первого поцелуя будет не какой-то волнующий или сладкий, а такой горький вкус.

И всё же это был поцелуй с Лавином, поэтому я была рада.

Хотя его вид был далёк от нормального.

Но ведь, наверное, в трудную минуту ему больше не на кого опереться, кроме меня.

От этой мысли я почувствовала радость.

Во рту остался не сладкий, не алкогольный, а какой-то зловеще-тяжёлый вкус.

Не смрад, а какой-то липкий, грязный вкус.

Чтобы избавиться от него, я откусила кусок яблока и, подумав, что Лавин не сможет поймать, если я брошу, подошла и вложила ему яблоко в руку.

Лавин, посмотрев на яблоко, улыбнулся.

Детской улыбкой.

— Спасибо.

Сказал он и начал ковырять яблоко.

А потом, сев на длинную скамью, позвал меня.

— Эстель.

— Д-да.

— Поцелуй... каким он был?

— Он был... не таким, как я думала.

Я, покраснев, слегка запнулась.

— Но... мне понравилось.

— Рад.

Лавин отложил яблоко, которое ел, и снова крепко обнял меня.

Его тело мелко дрожало.

— Тогда ты выполнишь мою просьбу?

— ...Просьбу?

— Ты ведь говорила, что сделаешь всё.

— ...А, да.

— Герцогиню Эдельгард, ты можешь привести её сюда, чтобы никто не узнал?

Услышав эти слова, я на мгновение затаила дыхание.

— Я сделаю всё, что угодно, даже больше, чем поцелуй, пожалуйста. Пожалуйста, приведи её.

Лавин, крепко обнимая меня, умолял.

Пытаясь даже встать на колени.

Я в панике подняла его.

— Если я приведу этого человека, ты вернёшься в норму?

На эти слова Лавин посмотрел на меня снизу вверх затуманенными глазами.

И очень спокойным голосом ответил:

— Я и сейчас в норме.

<http://erolate.org/book/1526/189248>